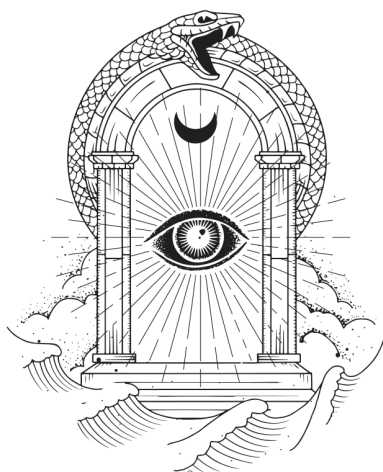

*Посвящается
Нао, Тиму, Дэвиду и Бену*

*Человек не выбирает зла ради самого зла.
Он лишь путает его со счастьем, с благом,
которого ищет.*

Мэри Уоллстонкраф

ПРОЛОГ

Саймон стоял, уставившись на собственную дверь.

Он не знал другого дома. Сюда, в длинную бруклинскую малоэтажку, родители принесли его после рождения. В этих стенах он вырос. На этой улице летом играл в тени густых деревьев, а зимой катался по ней на крышках мусорных баков. Здесь они сидели шиву¹ после смерти отца. Здесь он впервые поцеловал Клэри.

И ни при каких условиях даже представить не мог, что родная дверь захлопнется перед ним. Когда видел маму в последний раз, она назвала его монстром и начала молиться, чтобы он ушел. Саймону пришлось зачаровать ее, заставить забыть, что он вампир, вот только он не знал, сколько продержится гипноз. И те-

¹ «Сидеть шиву» в иудаизме означает соблюдать особый семидневный траур по умершему. В дни шивы члены семьи покойного не выходят из дома, а также соблюдают ряд иных религиозных запретов. В числе последних — запрет сидеть на стульях, вместо них сидят на специальных низких скамеечках; отсюда и само выражение «сидеть шиву». *Здесь и далее прим. переводчика.*

перь, стоя на холодном осеннем ветру и глядя на дверь, понимал, что продержался недолго.

Всю дверь покрывали символы: нарисованные краской звезды Давида, вырезанные буквы «чет» и «йод», образующие слово *chai*¹, «живой». К дверному молоточку и ручке были примотаны коробочки-тфилин². Глазок закрыт хамсой, Рукой Бога³.

Саймон положил руку на металлическую мезузу, прикрепленную к двери справа. Кожа, прикоснувшаяся к священному предмету, задымилась, но он ничего не почувствовал. Боли не было. Только жуткая, пустая чернота, из которой медленно поднималась холодная ярость.

Он пнул дверь. Удар эхом отозвался в доме.

— Мам! Мам, это я!

Нет ответа. Только щелчок закрывающейся щеколды. Саймон напряг слух и узнал мамины шаги, ее дыхание. Она молчала. Даже через дверь проникал едкий запах ее страха и паники.

— Мам! — Его голос сорвался. — Мама, не глупи! Впусти меня! Это же я, Саймон!

Дверь дрогнула, словно ее ударили изнутри.

¹ Слово «жизнь», написанное на иврите, считается оберегом против зла.

² Элемент мужского молитвенного облачения в иудаизме — две маленькие черные кожаные коробочки, внутри которых находятся пергаменты с отрывками из Торы.

³ Защитный амулет в форме раскрытой ладони, особенно популярный на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

— Убирайся! — Мамин голос от ужаса стал хриплым, едва узнаваемым. — Убийца!

— Я не убиваю людей. — Саймон прижался лбом к двери. Он мог бы ее выбить, наверное, но какой смысл? — Я же тебе говорил. Я пью кровь животных.

— Ты убил моего сына. Убил его, посадил в его тело монстра!

— Но это я твой сын...

— У тебя его лицо и его голос, но ты не он! Ты не Саймон! — Она сорвалась на крик. — Убирайся с моего крыльца, пока я тебя не убила, чудовище!

— А Бекки... — Почувствовав, что лицо увлажнилось, он коснулся щеки. На пальцах осталась кровь. Да... Он же теперь плачет кровью. — Что ты сказала Бекки?

— Не приближайся к сестре! — В доме загремело, наверное, мама что-то уронила.

— Мам... — снова позвал он, уже тише. Голос упал до хриплого шепота, рука задрожала. — Мне надо знать... Бекки тут? Мама, открой дверь. Пожалуйста...

— Не подходи к Бекки! — Он услышал, как она отошла от двери. Потом — знакомый скрежет кухонной двери, скрип линолеума. Открылся шкафчик... Саймон представил, как она достаёт нож...

«Пока я тебя не убила, чудовище».

Неожиданная мысль ударила его как молния. Если мама бросится на него, Метка просто уничтожит ее. Как уничтожила Лилит.

Его рука бессильно упала. Он медленно попятился, пока не уперся спиной в дерево, протянувшее пышные ветви над улицей. Под деревом он и остановился, неотрывно глядя на дверь своего дома, обезображенную следами маминой ненависти к нему.

Нет, напомнил он себе. Она не его ненавидит. Она думает, что он мертв. Ненавидит она того, кого не существует.

«Я не такой, как она думает».

Саймон не знал, сколько простоял там, разглядывая дверь, но телефон вдруг зазвонил, завибрировал в кармане плаща.

Автоматически потянувшись к карману, он заметил выжженную на ладони мезузу — переплетенные звезды Давида. Сменив руку, он прижал к уху телефон.

— Алло?

— Саймон? — прохрипела Клэри. — Где ты?

— Дома... — начал он и запнулся. Собственный голос казался ему равнодушным, пустым. — У маминого дома. Почему ты не в Институте? Все хорошо?

— Нет. После того как ты ушел, Мариза вернулась с крыши. Джейс должен был ждать там. Но на крыше никого не было.

Саймон неосознанно двинулся вперед, зашагал к метро, как механическая кукла.

— Что значит «никого не было»?

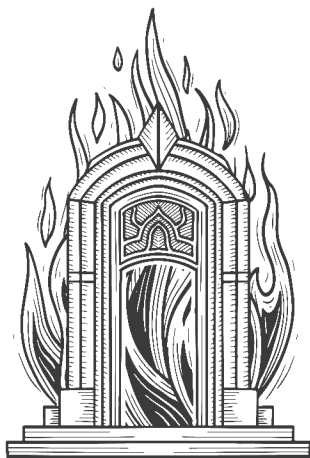
— Джейс исчез. — Голос Клэри звенел, как натянутая струна. — И Себастьян тоже.

Саймон резко остановился в тени голых веток.

— Но Себастьян был мертв. Он мертв, Клэри...

— Тогда объясни мне, почему его тело исчезло, потому что оно исчезло! — Ее голос сорвался. — Осталась только кровь и битое стекло. Они оба пропали, Саймон! Джейс пропал...

Часть первая **НЕТ ДЕМОНА ИНОГО**

*Любовь — домовой,
любовь — дьявол,
любовь — самый злой из всех злых духов.*

Уильям Шекспир. «Бесплодные усилия любви»¹

¹ Перевод Ю. Корнеева. — Прим. пер.

ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

1

ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ

— **К**ак думаешь, долго они будут выносить вердикт? — спросила Клэри. Она не знала, сколько уже ждет, но казалось, что часов десять. В черно-розовой, яркой комнате Изабель не было часов, только горы одежды, стопки книг и разбросанное везде оружие. Туалетный столик был завален блестящими палетками, баночками, немытыми кисточками. Из ящиков комода вываливались кружевные нижние юбки, тонкие колготки и боа из перьев. Комната походила на гримерку какого-нибудь бурлеск-шоу, словно из «Клетки для чудаков», но за последние две недели, что Клэри тут провела, этот хаос начал ее даже успокаивать.

Изабель стояла у окна, держа на руках Черча и рассеянно почесывая его между ушами. Кот сердито глянул на нее желтыми глазами. На улице разыгралась в полную силу ноябрьская буря, дождь заливал окна, словно прозрачный лак.

— Еще немного, — медленно произнесла Изабель. Без косметики ее темные глаза казались больше, лицо моложе. — Наверное, еще минут пять.

Клэри, сидевшая на ее кровати, между стопкой журналов и гремящей кучкой ангельских клинков, сглотнула горькую слюну. Горло стиснуло.

«Я вернусь. Минут через пять».

Вот последнее, что она сказала парню, которого любила сильнее всего на свете. А теперь ей казалось, что больше она уже ничего никогда ему не скажет.

Этот момент идеально отпечатался в памяти Клэри. Сад на крыше. Холодная и ясная октябрьская ночь, кристаллики звезд переливаются во тьме. На плитах — черные руны, перепачканные кровью и гнилью. Джейс целует ее, и на его губах — единственное тепло в этом продрогшем мире. Она сжимает перстень Моргенштернов на цепочке.

«Любовь, что движет солнце и светила...»¹

Она в последний раз обернулась к Джейсу, прежде чем лифт утянул ее обратно в недра здания. Встретилась с остальными внизу, обняла маму, Люка, Саймона... но часть ее души, как всегда, осталась с Джейсом — вдвоем они парили над холодным городом, сверкающим электрическими огнями. Только вдвоем.

¹ Перевод М. Лозинского.

1. ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ

Марица и Кадир поднялись на крышу, взглянуть на оставшееся от ритуала Лилит. Через десять минут Марица вернулась одна. Когда двери открылись и Клэри увидела ее лицо, белое, застывшее и безумное, она сразу же поняла.

Дальше все было как во сне: толпа Сумеречных охотников бросилась к Марице, Алек оторвался от Магнуса, Изабель вскочила на ноги. Белый свет раз за разом рассекал тьму, словно вспышки фотоаппаратов на месте преступления, но бесшумные, — это выскальзывали из ножен ангельские клинки. Пробиваясь вперед, Клэри выхватывала фрагменты истории: сад пуст, Джейс исчез, стеклянный гроб разбит и везде осколки. Свежая кровь капает с возвышения, на котором тот стоял.

План придумали как всегда быстро: рассредоточиться по периметру, обыскать территорию вокруг здания. Магнус обернулся к Клэри, спросил, есть ли у нее с собой какая-нибудь вещь Джейса. По его рукам бежали голубые искры. Она молча отдала ему перстень, отошла в угол, все еще оглушенная, и позвонила Саймону. Стоило ей захлопнуть телефон, как чей-то голос громко сказал:

— Выследить? Сработает, только если он еще жив. Но там столько крови, что, скорее всего...

Это была последняя капля. Холод, смертельная усталость и шок взяли свое: колени подогнулись. Мама успела ее поймать, но потом все смазалось и потемнело.

На следующее утро Клэри проснулась в своей кровати, дома у Люка. Резко села, чувствуя, как бешено колотится сердце, уверенная, что это был ночной кошмар.

Вот только побледневшие синяки на руках и ногах говорили о другом. И отсутствие кольца тоже.

Натянув джинсы и худи, она, шатаясь, вышла в гостиную. Джослин, Люк и Саймон сидели грустные — не нужно было даже спрашивать... но она все равно спросила:

— Он вернулся? Его нашли?

Джослин поднялась ей навстречу.

— Нет, милая, еще не нашли...

— И тела тоже нет? Он ведь не мертв? — Клэри упала на диван рядом с Саймоном. — Нет... он не мертв. Я бы знала.

Она помнила, как Саймон держал ее за руку, пока Люк рассказывал о том, что удалось узнать: Джейс исчез, Себастьян тоже. Плохая новость — экспертиза подтвердила, кровь на пьедестале принадлежала Джейсу. Хорошая — ее было меньше, чем полагали: вода из гроба размыла ее, так что лужа казалась огромной. Теперь они думали, что Джейс вполне мог выжить.

— Но что случилось? — продолжала выпытывать Клэри.

Люк покачал головой, его голубые глаза были печальны.

— Никто не знает, Клэри.

По ее венам будто пустили ледяную воду вместо крови.

1. ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ

— Я хочу помочь, сделать хоть что-то. Не могу просто сидеть и ждать, Джейс пропал.

— У тебя сейчас есть другая проблема, — мрачно сказала Джослин. — Конклав хочет тебя видеть.

Клэри поднялась, чувствуя, как хрустит лед, сковавший руки и ноги.

— Ладно, пускай. Я скажу им все, что они захотят услышать, лишь бы нашли Джейса.

— Ты скажешь им все, что они захотят услышать, потому что у них меч Смерти, — в отчаянии ответила Джослин. — О, милая... Мне так жаль!

И вот после двух недель однообразных вопросов, после вызова вереницы свидетелей и постоянной дачи показаний с мечом Смерти в руках Клэри сидела в комнате Изабель и ждала, чтобы Совет решил наконец ее судьбу.

Снова пришли воспоминания о том, каково было держать меч Смерти. словно крошечные рыболовные крючочки вонзаются под кожу, выуживают из тебя правду. Она стояла на коленях в кругу Говорящих звезд и словно со стороны слышала, как ее собственный голос выкладывает Совету все: как Валентин призвал ангела Разиэля, как она получила над ангелом контроль, стерев с песка имя и написав свое. Как Разиэль предложил исполнить одно ее желание и она пожелала, чтобы Джейс вернулся из мертвых. Она рассказала о том, как Лилит захватила тело Джейса и хотела оживить кровью Саймона Себастьяна, брата Клэри, к которому Ли-

лит относилась как к сыну. Рассказала о том, как метка Каина на лбу Саймона уничтожила Лилит... И как они решили, что, раз она погибла, Себастьян им больше не угрожает.

Клэри вздохнула, открыла телефон проверить время.

— Они там уже час. Это обычное дело? Или плохой знак?

Изабель уронила кота, и тот недовольно взвыл. Она подошла, села рядом с Клэри. Похудевшая — они обе за эти две недели потеряли в весе, — но как всегда элегантная, в черных прямых брюках и облегающей кофточке из серого бархата. Тушь у нее размазалась, но, вместо того чтобы походить на енота, она выглядела как какая-нибудь французская кинозвезда.

Изабель вытянула руки, на браслетах из электрума звякнули руны.

— Нет, это не плохой знак. Просто им многое надо обсудить. — Она повертела на пальце кольцо Лайтвудов. — Все с тобой будет хорошо. Ты не нарушила Закон, а это самое главное.

Клэри вздохнула. Даже тепло плеча Изабель не могло растопить лед в венах. Она знала, что технически действительно ничего не нарушила, но Конклав был в ярости. По закону Сумеречным охотникам запрещалось поднимать мертвых, но на ангелов запрет не распространялся. И все же, попросив вернуть Джейса к жизни, она совершила серьезный проступок. Они договорились никому об этом не рассказывать.

1. ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ

И вот правда вышла наружу и потрясла Конклав. Клэри знала: они точно захотят ее наказать. Хотя бы за то, что ее выбор привел к роковым последствиям. В глубине души она даже хотела, чтобы ее казнили. Переломали кости, вырвали ногти. Пусть Безмолвные братья пронзят ее мозг своими мыслями-клинками — лишь бы Джейс вернулся живой и невредимый: ее боль в обмен на его жизнь. Это помогло бы заглушить вину от того, что оставила Джейса одного на крыше.

Изабель и остальные, конечно, сотни раз говорили ей, чтобы не глупила: все тогда решили, что опасность миновала. И если бы она, Клэри, осталась, сейчас искали бы и ее тоже.

— Прекрати, — сказала Изабель, и непонятно было, к кому она обращается — к ней или к коту. Черч сделал то же, что делал всегда, когда его роняли: повалился на спину, задрал лапы, — это он так притворялся мертвым, чтобы хозяйки его пожалели. Но Изабель, откинув волосы, так глянула на Клэри, что та поняла — это «прекрати» предназначалось ей.

— Что прекратить?

— Представлять все ужасы, которые с тобой сделают... вернее, которые ты хотела бы, чтобы с тобой сделали, раз ты жива, а Джейс... пропал. — Изабель запнулась, словно перескочила такт в песне. Они никогда не говорили, что Джейс, возможно, уже мертв, — они с Алеком отказывались даже думать об этом. И Изабель не обижалась на Клэри за то, что та скрывала

